

С. С. Г. 1799

О П И С А Н И Е
всѣхъ,
обитающихъ
въ Россійскомъ Государствѣ,
Н А Р О Д О ВЪ

и ихъ житейскихъ обрядовъ, обыкновеній, одѣждъ,
жилищъ, Вѣроисповѣданій и прочихъ
доспопамятоштей.

ЧАСТЬ ТРЕТИЯ
о народахъ
СЕМОЯДСКИХЪ, МАНДЖУРСКИХЪ
и восточныхъ сибирскихъ
какъ и о Шаманскомъ Законѣ.

Издадено мѣб Книгопродавца Ивана Глазунова.

съ позволенія С. Петербургской Цензуры.

ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ,
при Императорской Академіи Наукъ, 1799 года.

О ШАМАНСКОМЪ ЯЗЫЧЕСКОМЪ ЗАКОНѣ.

Многочисленные языческие народы Россійскаго государства держатся отъ части Шаманскаго, отъ части Ламайскаго, Индійцы же, коихъ вообще не много, Брахинскаго толку. Шаманской имѣстъ наибольше послѣдователей; къ оному принадлежитъ суевѣrie покланяющихся идоламъ Финновъ, Татаръ, Семоланъ, Отаковъ, Краснолрскихъ, Манджурскихъ и Восточныхъ Сибирскихъ городовъ, островскихъ жителей Восточнаго моря шакъ, какъ и Бурятъ или Брацкихъ Татаръ. О языческомъ законѣ Финновъ говорилъ я на своеѣ мѣсѣ; при описаніи же прочихъ народовъ переходилъ я сей предметъ молчаниемъ, дабы при великомъ сходствѣ въ обрядахъ и мнѣніяхъ не наскучишъ читашелямъ повтореніемъ. Здѣсь же исполню мое обѣщаніе и о всемъ вообще Шаманскомъ идолослуженіи нашихъ народовъ сообщу краткое описание въ шакомъ союзѣ, какой могъ я въ ономъ открыть.

Шаманскій законъ принадлежитъ въ число древнѣйшихъ вѣръ. Онъ всѣхъ спарѣ на Востокѣ, и почитаєтся кориемъ Ламайскаго, Брахинскаго и другихъ языческихъ шолковъ. Въ Индіи были священнослужители его отъ части и мудрецы: по чemu и не было ему въ союзѣ недостатка. У исповѣдниковъ сего закона между нашими народами, за недостаткомъ грамоты и школьн., шакже по причинѣ воеваній, преселеній, непостояннаго житія, переиначеній преданій и переворошовъ глупыхъ или обманчивыхъ священнослужителей, прешворился онъ по большей части въ прошивное идолослуженіе и слѣпое суевѣrie. По сему надлежало бы въ разсужденіи шоль различныхъ народовъ, языковъ, странъ и житія, ожидать и наивеличайшей разности въ мнѣніяхъ и обрядахъ: однакожъ главныя правила вѣры и важнѣйшіе обряды оставались въ дослѣдованіи единообразны, и кажешся, что чрезъ то больше шокко забыто, нежели прибавлено. Здѣсь сущушъ чинатели отъ части дополненіе и къ тому, что при описаніи Финскихъ народовъ сказано о ихъ суевѣриї.

У всѣхъ Шаманскихъ язычниковъ почитается женской полѣ гораздо жуже мужскаго, и существующимъ единственно для удовлетворенія похоти, для рожденія дѣтей и для исправленія домашнихъ дѣлъ: по чemu они женѣ презираютъ жестоко. Они присвоѧющъ женскому полу весьма мало правъ человѣчества, и почишающъ

его отринутымъ отъ боговъ, вообще нечистымъ, во время же мѣсячного очищенія или родовъ мерзкимъ и какъ людямъ, такъ и скоту опаснымъ. Онъ къ богослуженію не допускается, и не смигнѣшъ въ юршахъ ходить около общаго огня, поелику оной почишаешься священнымъ. Понеже жены шѣломъ своимъ все оскверняютъ, то имѣютъ особыхъ верховыхъ лошадей, сѣдла, мѣсса для сидѣнія, да обыкновенно и особливую посуду, изъ которой ъдятъ, или должно по крайней мѣрѣ всѣ шаковыя вѣщи, прежде неже ли сшанешь ихъ употреблять мужчина, окуришь и отъ нечистиши упразднишь. Они почишаются шакимъ товаромъ, который вышибнѣваешь на скотѣ, одѣяніе и проч. и въ шакомъ количествѣ, какое кому надобно для исправленія дѣлъ или похози; который почти продается, и такъ далѣе. Когда баба родишь двойни или безобразныхъ дѣтей, то обвиняютъ ее соштѣемъ съ дѣволомъ, и проч. Родители никогда дочерей не любятъ; да они и сами, если бы знали свое состояніе, отреклись бы отъ воспрѣятія бывшія.

При всемъ томъ есть у Шаманцовъ и *священнослужительницы*, который не меньше въ чеспи или сполько же шальными почишаются, какъ и священнослужители. Они вѣрятъ, что люди сего состоянія избраны самими богами, и почишаютъ судорги, родимцы и другое дѣтские przypadки знаками шакового вышшаго избранія.

У *Тукезѣ*, *Бурлѣ* и нѣкоторыхъ другихъ народовъ называются священнослужители *Шаманами*; слово же сіе значитъ воздыхающаго пустынника и обладателя всѣхъ спрастшей; у *Телегутѣ* и проч. *Камами* или *Хамами* т. е. владыками или пророками; у *Якутѣ* и проч. *Лючами* и *Абысами*: оба сіи слова суть шиплы Ташарскихъ священнослужителей; у *Семояди Гадыбами*, и такъ далѣе.

Шаманы и *Шаманки* люди простые, и не разнятся отъ прочихъ ни одинакимъ состояніемъ, ниже особенными правилами или житіемъ: но ошмѣнны шокмо по плашью и лучшему знанію ученія и обрядовъ своей вѣры. Они содержаютъ себя подаяніями и жертвами: одинакожъ сверхъ того употребляютъ обыкновенно себѣ въ помощь и главный народа промыселъ, сирѣчъ, ловятъ звѣрей и рыбу и проч. Старые люди учатъ молодыхъ всему до вѣры и обмана касающемуся. Послику священнослужители одни владѣютъ, такъ сказашь, ученіемъ, то ихъ, яко *посредственниковъ* между народомъ и богами, коихъ они умилостивляютъ имѣюшъ, боятся и почишаютъ, но при томъ не рѣдко и ненавидяшъ, когда кто изъ нихъ

О ШАМАНСКОМЪ

приличится въ злоупотреблениі своей должности. Отъ великаго напряженія силъ при колдовствахъ своихъ многіе лишаються зрѣнія: но сіе почишається шѣйѣ большими знакомъ благоволенія къ нимъ духовъ. Поелику всступленіе въ ихъ должностіи зависитъ отъ случайного въ онуку позыва; то Шамановъ и Шаманокъ иногда бываютъ много, а иногда и мало. Иные исправляющъ должностіи свою по смерть, другіе же здающъ онуку при жизни своей другимъ. Они отъ части обмрачаивающъ, а отъ части обманывающъ, а больше то и другое дѣлающъ вмѣстѣ.

Шаманы и Шаманки *разлещрлютъ одѣяніе* свое въ томъ намѣреніи, чтобы богамъ бышь угодными, а народу страшными; для приобрѣтенія же въ томъ успѣха разныя употребляютъ средства. Тунгускіе, да и всѣ почти Шаманы, носятъ долгое Восточное, больше кожаное *платы* и сапоги чулкамъ подобные; одѣяніе сіе какъ будто усыпано жестянными идолами, цепочками, колокольчиками, кольцами и другими брякушками, брлинами кохпями, змѣиными чучалами, вырѣзками изъ невыдѣланныхъ кожъ и проч. *Шаманки*, кошорыя иногда клобукамъ, а иногда шишакамъ бывающъ подобны, обвѣшены змѣиными и другими чучалами, и украшены сочинными перьями. Нарядъ шакового человѣка и происходящее отъ онаго бренчанье, приводитъ людей въ юртахъ, освѣщенныхъ однимъ только очажнымъ огнемъ, въ немалой ужасъ. Хитрые Шаманы надѣвающъ шаковое плашье у жервшеннаго огня съ содроганіемъ и проч. какъ будто бы вселяется въ нихъ при томъ другой духъ. У нѣкошорыхъ народовъ Шаманское служебное плашье покороче, у другихъ же обвѣшивающъ они прошое свое плашье кожаными лоскушьями, тряпицами, идолами и проч. и утверждающъ на шапкѣ пѣрянную шишку.

Главнѣйшее *Шаманское орудіе* есть барабанъ или бубенъ. Съ виду онъ продолговато круглой, длиною до трехъ фушловъ, вышиною едва въ пядень. Ободъ изъ ракитника, съ одной только стороны обтянутъ кожею, а съ другой мѣсто полое, съ поперечною перекладинкою, которая служитъ рукояткою. Кожа какъ будто усыпана изображеніями иоловъ, звѣрей и заручительныхъ знаковъ, въ нупри же висяще идолы и брякушки. Для ударенія въ сей барабанъ употребляется одна только колоушка, нѣсколько изогнутая и для глухаго звуку обтянутая заячею или иною какою невыдѣланною кожею, а иногда приблѣзываются къ ней еще и два рожка, дабы страшнѣе казалась. Дѣйствіе и сила волшеб-

иаго барабана по ихъ удосшовѣреню вѣсма велики; иѣкошорые удары призывающъ, а другое прогоняющъ луховъ. Въ шакихъ иѣстахъ, гдѣ и священослужители ходили въ спарыя времена въ походѣ, вошли можетъ быть отъ нихъ въ употребленіе и усадашъ барабаны. Шаманы не имѣющіе барабановъ употребляющъ въ иѣшто оніхъ по двѣ лалицы, длиною въ при фуша, обвѣшеннія идолами. Буряшскіе Шаманы при моленіи своемъ повертываютъ небольшой знатекѣ, состоящей изъ лиственичной вѣтви и тряпички. Якуши употребляющъ въ иѣшто онаго конской хвостъ.

Сибирскіе Шаманы не имѣютъ надобности ни въ храминахъ, ни въ керемешахъ. Они отправляющъ служеніе свое у иѣкошорыкъ народовъ на чистомъ мѣстѣ, на холмахъ или возлѣ рекъ, у другихъ въ юршахъ, у разныхъ народовъ днемъ не разбирая поры, у прочихъ же больше ночью при огнѣ.

Касающіяся до вѣры лоялія нашихъ язычниковъ всѣ вообще неопределены, темны, отъ часты перемѣшаны и прекословны; въ разсужденіи же главныхъ предметовъ почти все клонится къ одному.

Всѣ вѣрюютъ въ общаго Бога и Создателя всѣхъ вещей, который называется на Тунгусскомъ языке *Боа*, на Буряшскомъ *Гинеир Бурхачѣ*, т. е. Богъ небесный, на Телеушскомъ *Кудай*, на Камчадальскомъ *Жутка*, на Ошакскомъ и Богульскомъ *Гроронѣ*, т. е. свѣтѣ, на Семояндскомъ *Жумѣ* и *Жомѣ*, и такъ далѣе. Они думающъ, что Богъ шварь свою любитъ, всевѣдущъ и всемогущъ: но не уважаетъ частныхъ дѣлъ человѣческихъ. Бога, по ихъ разсудку, не можно ни оскорбить, ни къ себѣ умилоспивиши. Онъ не наказуетъ и не награждаетъ, и слѣдовательно не для чего его ни бояться ни любить. Камчадалы отличающіяся предосудительными своими о Высочайшемъ Существѣ понятіями. Все, чѣмъ въ свѣтѣ не по ихъ мысли, такъ какъ и бѣдствія въ жизни, почишающіе они доказательствами недоспашочного могущества и свѣденія Промысла, и надъ онимъ издаѣваются.

Большая половина сихъ язычниковъ воображаетъ себѣ Бога невидимымъ, обищающимъ на небѣ или въ солнцѣ, и имѣющимъ образъ человѣческой; иные же почишающъ и солнце за самого Бога. Телеуши и Алтайскіе Татарапы думающъ, что явленія и ошкровенія Всевышняго бывающъ въ сновидѣніяхъ; и что съ виду онъ походитъ на пресшарѣлаго бородою обросшаго человѣка, а одѣяніе его подобно мундиру драгунскаго офицера (великолѣпнѣшаго одѣ-

яня не могутъ они себѣ и вообразить). Въ прочемъ мечтаютъ, что онъ имѣетъ великолѣпной придворной шташь и множество лошадей; когда онъѣздитъ верхомъ, то произходиша громы отъ конскаго топоту, а молниѧ отъ искръ издаваемыхъ подковами отъ ударенія объ камни на небѣ находящіеся, и шакъ далѣе.

Правленіе мира и судебъ человѣческихъ раздѣлено отъ Высочайшаго Сущесвта между многими божками, которые правда ему подвластны, однакожъ по большой части поспушающъ своевольно: по чemu благоволеніе ихъ необходимо людямъ нужно. Воображенія ихъ о божкахъ перепутаны, прекословны, а отъ части и безшолковы. Разные народы чшупъ и разныя божества, и приписывають имъ шакъ же различныя соучастнованія и упражненія. Когда сообразишь по возможности ихъ понятія, то выходишъ слѣдующее. Божки вообще добрые и злые, то есть благодѣтельствующіи или прошибуворствующіи людямъ. Понятія о сущесвтенности и качесввахъ сихъ божковъ грубы, шлесны, и нерѣдко совсѣмъ недѣльны. Они перемѣщивають шакъ же многократно имена и дѣйствія добрыхъ и злыхъ божковъ.

Всякое доброе божество имѣетъ по одному или по иѣскольку дѣлъ въ правленіи мира. Они окошно благодѣтельствующіи, частно бывающіи приспрастивы, будучи оскорблены наказывающіи, поспушающіи по своемъ всевольству своему жестоко, и при томъ иешательны. Всѣ категства божіи прешворяющіи они въ лица, причиняющіи ихъ къ мужескому и женскому полу, но не думающіи, какъ Финскіе язычники, чтобы они вспупали между собою въ бракъ. Всѣ небесныя и страшныя или знатныя земныя пѣла и естественные явленія, отъ коихъ происходиша имъ добро или зло, суть божества, коихъ они поимянно чтутъ: солнце, луна, звѣзды, облака, радуга, громъ, буря, огонь, вода, земля, знашныя горы и рѣки. Иные почишающіи горы и воду шокмо жилищами божковъ, а огонь жертвою. Тунгузы, содержащіе законъ свой и отправляющіе по оному идолослуженіе съ великою ревносшю, имѣющіи обще съ иѣсколькими другими народами и бога здравія, звѣринаго промыслу, вушесствій, женъ и женскихъ припадковъ и добродѣтелей, дѣшей, оленей и многихъ другихъ.

Соборъ *нелрязненныхъ божковъ* или *бѣсовъ* не меныше великъ. Они вѣрють въ одного *верховнаго Сатану* и обладашеля прочихъ, и называющіи его по большой части *Шайтаномъ*, Тунгузы *Буномъ*, Буряты *Окодиломъ*, Камчадалы *Канною*, и проч. По все-

обидецъ божествъ онъ наисильнѣйшій. Въ немъ ни на волосъ кѣшь ни чего доброго: однакожъ онъ можетъ быть укрощаемъ и удостоиваемъ Шамановъ своего благовolenія. Сатаны нижшаго стеленіи или злые духи раздѣляющіяся на чиненіе зла и споспѣшествованіе всякимъ нещастіямъ. Подъ Сатанами разумѣють они отъ часши обращенныхъ въ лица наказанія Божіи, а отъ части и самое нещастіе и зло въ свѣтѣ приключающіеся, коиорое воображаютъ они себѣ самосущесшующи, и называють оное великимъ множествомъ именъ: но все при шоимъ перемѣшивають и запутываютъ. Сатаны живутъ по ихъ мнѣнію въ водѣ, въ преисподней, въ отгнедышущихъ горахъ и въ лѣсахъ: по чому и если у нихъ русалки, земные юбсы, горные духи, лѣши, боги насекомыхъ, и многіе другіе.

Кромѣ сихъ гтутъ они покойныхъ родонагальниковъ, богатырей и всѣхъ Шамановъ и Шаманокъ, яко полубожковъ или святыхъ, коихъ боги при правленіи міра употребляющіи шакъ, какъ союзниковъ или помощниковъ, коиорые имѣють свѣденіе о преисподней, умѣющіи призывающіи духовъ, и могутъ подавашь помощь и надѣляющіи щастіемъ. Безчисленное же множество сихъ святыхъ причиною шому, что они ихъ смѣшивають съ божками и сатанами, и моленія свои возсыпаютъ совсѣмъ не къ шѣмъ лицамъ, къ какимъ бы надлежало. Живущіе по близосши Россіянѣ, приписываютъ благосостояніе ихъ св. Николаю, почитаемому Грекороссійскою церковью, и по шому моляшъ его и о своемъ благополучіи. Божки и святые, по ихъ мнѣнію, живутъ по примѣру людей, искако великолѣпнѣ и удовлетворяющіи нуждамъ своимъ то одною волею, то шрудами. Когда мѣсто жилища своего перемѣняють, то или пѣшкомъ идутъ или тѣдушъ верхомъ либо въ новозкахъ. Камчадалы думають, что богъ ихъ Гуї вѣдинъ на шестериѣ превицрдныхъ собакъ, коиорые, ешши всшрепенушеся, причиняющіи землесрасеніе; когда во время грозы идетъ дождь, то громовой ихъ богъ Белута изпускаетъ свою мочу. Шалаши, коиорые богаше скотомъ Буряты строящъ въ степяхъ для покрова божкамъ, и выгонѣ лошадей на пасищу у многихъ скотоводствующихъ народовъ, о коихъ буду говорить послѣ, ошинасясь къ симъ понятіямъ. Нѣкоторые вѣряшъ шакъ же, что божки ихъ, въ утоленіе голода, производяшъ зѣбриной промыселъ, ловяшъ рыбу, вырывающіи коренье, и шакъ далѣе, не упоминая о многихъ другихъ ихъ безуміяхъ.

Божки являются Шаманамиъ, по ихъ мнѣнію, наибольше въ видѣ медвѣдей, змѣй и соѣ: по чому они и воздаютъ животнымъ симъ чеспь. *Пихта*, нѣкошорый родъ лохиню, кошорый у Качинцовъ и другихъ народовъ называющійся Ирвенемъ, особая права на Камчашкѣ, и иная распѣнія у разныхъ народовъ посвящены божкамъ и почитающіяся любимымъ ихъ куревомъ: по чому идолы и жертвы оными украшающіяся, поганыя веци окуривающіяся, и проч. Нечистыми и въ жерту негодными почитающіяся свиньи, лягушки, насѣкомые и черви.

Воображеніе ихъ о мірѣ пресѣкается по большой части на ихъ пуспышахъ. Сложеніе міра почитающій они безконечныи, а о состояніи людей и звѣрей думающій, что они по смерти будущъ жиши шакъ же, какъ и иныи: по чому говоряшъ съ медвѣжими, киповыми и другими спервами шакъ, какъ съ живыми людьми.

Живой генофѣкъ состоитъ изъ тѣла и жизненности или души. Онъ поступаетъ произвольно; успѣхъ, щастіе и неблагополучіе зависяшъ отъ боговъ, бѣсовъ и дѣйствій другихъ людей: по чому иные гибна боговъ боящія, а другіе ни чего не уважаютъ. Боги любяющій и награждающій оказываемое имъ почтеніе, также честность и человѣколюбіе; ненавидяющій же и наказующій нечестіе, плутовство и жестокость. Въ другихъ обстоятельствахъ не скоро человѣкъ, по ихъ мнѣнію, согрѣшишъ можетъ. Боги не заботяшся о томъ, лѣнивъ ли человѣкъ или приложенъ, съ своею ли или съ чужою спишъ женою, много или мало єстъ и пьетъ, украденою или самимъ имъ убиеною дичиною пишашся, и шакъ далѣ. Сашаны вредятъ людямъ во всякомъ дѣлѣ: по чому и должно ихъ отвращашъ отъ себя посредствомъ Шамановъ, жертвами, подарками, ласковыми словами, угрозами и сему подобнымъ. *Благолугіе* состоитъ въ здоровье, изобилии скота и дѣтей, прибыточномъ звѣриномъ промыслѣ, рыбной ловлѣ и плошоугодіи: *незчастіе* же въ прописномъ вышеписанному, а особливо въ смерти.

Всѣ Шамансіе язычники крѣпко увѣрены въ томъ, что и послѣ смерти будущъ жиши: но жизнь сию воображающій они себѣ бѣдною и печальною; и по тому смерть кажешся имъ по большей часпи мерзосшие и страшнѣе всего, и они ее больше всего опасающіяся и убѣгающій. И самые покойники ихъ ужасающій. Они боятся ихъ возвращенія и явленій; по чому многіе идучи обращно съ похоронъ, спаравшіяся разными суевѣрными кривленіями лица отврашишь смерть и покойника отъ послѣдованія за ними. Они

екачутъ черезъ огнь, лаятъ промежъ жердей, при чемъ Шаманъ угрожаетъ смерти жезломъ, дабы ее шѣмъ воздержать; по тому окуривающъ себя и хижины, либо покидающъ оныя, и боясь воспоминанія умершихъ, ни когда ихъ по именамъ не называющъ; родственники же покойниковъ, дабы не называться шѣмъ именемъ, перемѣняютъ свое наименование къ немалому ущербу бытійственныхъ свѣденій. Кончину почишающъ они превращеніемъ нынѣшней жизни въ подземную, подобную въ прочемъ нынѣшней: но больше считають ее гореспиною и ни мало желанія недосшойною. Тамъ живущъ одни только духи да души, которыя присвояющъ они и погребеннымъ вмѣстѣ съ покойниками живошныхъ и ведамъ, и по тому почишающъ ихъ полезными для умершихъ, хотя въ прочемъ они шакъ же, какъ и покойники, исцѣляющъ. Въ преисподней владычесшуюющъ земные духи, страшающіеся причинить умершимъ много зла: по чemu Телеушкие и Корякскіе Шаманы при похоронахъ ихъ заклинаютъ и секирными размахами удержать страшающіе ставящъ покойниковъ своихъ на дерева или оспавляющъ ихъ для испльнія поверхъ земли, либо и сожигающъ, единшенно для избѣженія отъ земныхъ духовъ. Спада ихъ остаются на семъ свѣтѣ, а что дается покойникамъ при похоронахъ изъ плаща, домашняго скарбу, оружія, и убишихъ звѣрей, то служитъ имъ только на раз заводъ въ будущемъ подземномъ или преисподнемъ хозяйствѣ. всякая скопина по окончаніи ея жизни явится въ преисподней точно шакъ, какъ и ея хозяева: но она умираетъ исподоволь и доспавшись другимъ хозяевамъ. Будущъ ли шамъ для звѣринаго промыслу и рыбной ловли шакія угоды, какія есть поверхъ земли, весьма еще сомнительно; за мужьями послѣдуютъ туда устарѣлые жены, и шакъ далѣ. Обишающіе ближе къ Востоку Сибирскіе народы и осетровскіе жишли почишающъ *будущую жизнь исправленіемъ продолженіемъ нынѣшней*, и ожидають шамъ сугубаго удовлетворенія своихъ прихотей, спадѣ, пригожихъ душевъ собакъ, удачныхъ звѣриныхъ промысловъ, проворныхъ бабъ или мужей, и всего того, что бываетъ здѣсь предметами ихъ желаній, хотя и никогда не исполняющихся. И по тому они смерти не страшатся, но еще и сами себя нерѣдко и съ великою холодношю духа оной предаютъ, поднимая сами на себя руки. Поелику Христіана чають себѣ послѣ смерти царствія небеснаго безъ всѣхъ шаковыхъ благосшест, то сожалѣющъ они обѣихъ и ра-

дуются своему блаженству. *Шаманы* умирають по большой части велиководушно. По сику они при жизни упражняются въ умилостивлѣніи боговъ и злыхъ духовъ, почишающъ свои волшебства за нужныя, и причисляются по смерти къ святымъ, имѣющимъ участіе въ судьбахъ живыхъ людей и приносимыхъ ими жертвахъ; то ожидаютъ себѣ впередь благой участіи. Для избавленія искушеній земныхъ духовъ и для собственного своего очищенія, призываются по большой части шла свой по смерти сожигать.

Всѣ Шаманскіе язычники стараются снискать себѣ благоволіе боговъ и ихъ умилостивить идолами, моленіями и жертвами: большая ихъ половина счищается дѣло сѣ шоль важнымъ, что нынѣшнее свое уничиженіе, а ошь частіи и бѣдность, приписываютъ иерарченію своихъ прародителей о ихъ служеніи.

Идолы, которые по понятіямъ разумѣйшихъ суть подобія божковъ, а по мнѣніямъ глупыхъ самые божки, дѣлаются по большей части Шаманами изъ странныхъ опросшковъ деревъ и изъ каменныхъ отломковъ, коиорые покажутся подобными иѣсколько человѣческому виду. Не рѣдко и цѣлые каменные горы, ради необыкновенного ихъ вида, почишаются идолами, какъ въ Шаманская гора въ Восточной сторонѣ опѣ Байкала, и другія. Дѣлаемые идолы бывають и большии и малыи, разные, набивные или спранные вида куклы. *Деревянные кукольные идолы*, которые у Тунгусъ *Шовоками*, у Камчадаль *Камчалами*, у Буряшъ *Огонами* называются, длиною бывають въ пядень и больше, и одѣваются во примѣру Шаманогъ. У иѣкошныхъ покрываютъ лицо красною листовою мѣдью. Буряшской *божокъ обрѣбы* (Имегильшинъ) та-жовая же кукла, окруженнаго кольцомъ, шириной въ два пальца, изъ ракишику, на подобіе бубенаго обода. Курильцы составляють идоловъ своихъ изъ щепокъ нарочито красиво. *Сугелльные или набивные идолы* употребляются у Якушъ, Чулымцовъ, Телеушъ, Алтайскихъ Тамаръ и у другихъ. Чулымцы называють ихъ *Шайтанами*; Телеуши же дѣлають и поменѣе, длиною дюймовъ въ 8, шириной въ половину шюфачекъ, съ одного конца разписаный по подобію человѣческаго лица, въ мѣсто же глазъ вставлена бисера или дробинки; въ прочемъ они украшають ихъ совиними перьями и называють *Салусами*. Буряшской *бараишкой* идол есть не иное чѣло, какъ шкурка съ барабашка съ ногами и хвостомъ; а лицо разное человѣческое. *Жестяные идолы* въ употребленіи у всѣхъ Шаманскихъ язычниковъ; они привѣщаю-

ЛЯЗЫЧЕСКОМЪ ЗАКОНѢ.

107

ея больше къ Шаманскому плашью, къ барабанамъ, колыбелямъ и прочему. Они вырѣзаны изъ жеспи и кое какъ изображающъ людей, медвѣдей, оленей, птицъ, рыбъ, змѣй, звѣздъ и стихіи. Человѣческое лицо значить солице, полукруглѣ луну, суденышко воду, треугольникъ огонь, решетка землю и такъ далѣе. Войлощные идолы, или куклы изъ войлока вырѣзанныя, длиною въ пядень, въ упошребленіи у Буряшъ и Якушъ. Буряшской *Иргекинѣ* есть не иное чѣо, какъ подобная гребню, часо надрѣзанная кожа, въ длину и въ ширину на пядень; ремешки ея предспавляютъ цѣлой соборъ божковъ. *Малеванные идолы*, называемые у Буряшъ *Ногатами*, и упошребляемые многими народами, сушь начертанія ногихъ людей, выводимыя кровью изъ сердца приносимой въ жершу твари, или краснѣмъ карандашомъ; длиною они въ пядень; въ мѣсто глазъ вспавлены дробинки или бисеръ, а голова украшена совиными перьями.

Камчадалы ставятъ въ пустыняхъ своихъ небольшѣе столбы, которые обвиваются особою травою и почишаются ихъ божественными. Они дѣлаются также изъ разныхъ шравъ чучелы подобныя волкамъ, и ставятся ихъ въ хижинахъ своихъ каѣ будто идолы; чучелы сїи называются у нихъ *Хайтъ*. *Силгилканѣ* лѣсныхъ Тунгузъ не другое чѣо, какъ небольшія вороши изъ ельнику, въ коихъ вѣшаются принесенные въ жершу птицы. *Дой* ихъ есть стоячій крестъ съ распятою птицею. Слѣдствіе по подобію человѣческому чучело изъ ельнику называются они *Боге*. *Гисѣ* Качинской есть подобная вилкѣ тычина, промежъ зубцовъ которой вѣшаются лисью голову или двухъ рѣзныхъ птицъ. Легко можно разсудить, что всѣ сїи святыни при недоспашкѣ вкуса, искусства и ремесленной снасти, весьма неуклюжи, безобразны, ошѣ часты не примѣтны, и не годящіяся ниже дѣшамъ нашимъ игрушкою.

По елику идолопоклонники при всякомъ почши жершоприношеніи получающъ нового идола, то въ иной юртѣ великое ихъ множество. Телеуты ставятъ всѣхъ идоловъ вмѣстѣ въ одномъ углу избы; у Буряшъ виситъ въ юртѣ на лѣвой сторонѣ, а въ лѣпнине время передѣлъ юршою на столѣ, мѣшокъ съ идолами; Тунгугазы вѣшаютъ ихъ на распорѣ, состоящемъ изъ трехъ колышковъ (Шонанѣ); Качинской *Гисѣ* ставится на кровлѣ; идоламъ и божкамъ Буряшскихъ стадъ или шабуновъ строятся хижини (Обо) на горахъ; иѣкоторыхъ идоловъ кладущъ они въ ящики, и проч.

О ШАМАНСКОМЪ

У идоловъ висяще всегда шкурки съ ласточекъ, горностаевъ, и другихъ звѣрковъ, также кости принесенныхъ въ жершу живошныхъ, пучки волосу отъ священныхъ коней, и другія небольшія жерши. Почти всѣ язычники воздающе идоламъ своимъ почтение, покланяюща имъ, шворя при томъ молитву, берущъ ихъ съ собою, когда идуше на звѣриной промыселъ, пишающъ или мажущъ ихъ кровью и жиромъ, окуривающъ ихъ саломъ, мясомъ, кровью, ельникомъ, иранемъ и проч. Другіе, когда имъ что не пощастилившимся, ругающъ ихъ, попрекающе почестями, какія имъ воздаются, бросающъ ихъ обѣ землю или въ воду, а иногда и колощающъ.

Моленія божкамъ и идоламъ приносяться обще и торжественно, либо и особенно въ каждой хижинѣ. Когда молящая съ пущими руками, то не надѣющая много себѣ добра получишь: и по тому торжественные мольбы приносящъ съ жершинами. Всѣ Шаманскіе язычники празднующе въ году три праздника, а именно: *весній, лѣтній и осеній*. Весній праздникъ есть новый ихъ годъ, и они жершующе въ сѣ время первую шраву и первенцовъ отъ скота, а особливо молоко, и просящъ при томъ о низпосланиіи на весь годъ благословенія. Лѣтній или осеній праздникъ не вездѣ празднуешся ежегодно: однакожъ разполагающей всегда шакъ, что бы всякому можно было ежегодно имѣшь въ ономъ участіе.

Въ жертву или пищу божкамъ годяшся, выключая свиней, всякие звѣри, рыба, птицы, мягкая рухлядь, черепы, кровь, жиръ и сало, волосъ, рога, молоко, шварогъ и сыръ, подожженой хлѣбъ (Курмачъ), пиво, вино, машеріи, деньги и почши все вообще. Восточные Сибиряки приносящъ въ жертву и собакъ. *Пихтовыя* вѣши жерпивиющъ особливо горамъ и водамъ.

Обряды торжественного богослуженія не только у разныхъ народовъ, но отъ части и у частныхъ Шамановъ, несолько отмѣнны. Но у всѣхъ главная важность состоитъ въ существѣ моленія къ добрымъ богамъ возсыпаемыхъ, въ жершахъ, и въ похожихъ на волшебство заклинаніяхъ бѣсовъ и колдовствахъ. Нѣкоторые Шаманы дѣлающъ сѣ особенно, другіе всѣ виѣшь, и приносящъ жерши свои совокупно какъ для умилословленія боговъ, шакъ и для укрощенія бѣсовъ.

Когда Телеуты празднують *весній* свой *праздникъ*, то мѣряне обоихъ половъ, прибравшись чистенько, собирающа въ полѣ око-

ло Кама, который бьетъ въ бубенъ, по томъ молиша, и въ про-
долженіе молиши брызгаешьъ молоко и пиво, и посыпаешь Кур-
мачъ; послѣ чего вѣспѣ самъ нѣсколько оѣшъ онаго и надѣлаешь
по немногу мірянѣ, которые вѣдяще даѣтъ его съ благоговѣніемъ.
Напослѣдокъ бросаешь онъ молошную чашу прочь, и во паденію
ея судишь, какова показалась богамъ жершу: ежели чаша упа-
детъ стоймъ, то почитаешь жершу угодною, а ежели опроки-
нется, неугодною. Праздникъ сей оканчивается веселымъ разли-
ваньемъ осталнаго пива и молока. У *Катычевъ* разводишъ *Кам-*
не для вешняго праздника (Урысъ) на рѣчномъ берегу или на ка-
зисномъ высокомъ мѣстѣ огонь, приносишъ моленіе повертывая
небольшой значкъ, и брыжжашъ по немногу кислаго молока къ
солницу, лунѣ, рѣкамъ и горамъ ихъ областей, а на конецъ що
же самое дѣлаешь и на долю Сашаны. Осашкомъ освященнаго
молока кропиша всякъ въ своей юрцѣ все; а чѣмъ за шѣмъ оспа-
нешься, выцивающъ обще. У *Якутъ* приносишъ Аюнъ въ жершу
перваго удою молоко во всякой юрцѣ, шворя при томъ молиши
и повертывая небольшимъ значкомъ или конскимъ хвостомъ. Онъ
называешь всѣхъ божковъ, бѣсовъ и святыхъ, выплескиваешь при
всякомъ имени одну ложку молока на воздухъ, въ томъ мнѣніи,
чтобы ихъ оныи попотчиавши: сїе дѣлаешь онъ проекрашно.
Изъ осталнаго въ чашѣ молока берешь онъ одинъ глошокъ;
всѣмъ же собравшимся мірянамъ, которые отъ части стоявшъ на
колѣняхъ, подноситъ онаго же молока мальчикъ. Паденіе бро-
шенной ложки изъясняешь имъ мнѣнія божковъ. *Тунгусы* и *Буря-
ты* празднующъ вешній свой праздникъ какъ и Телеушы, съ тою
шелько разноснію, что оба сїи народы, сверхъ молока, прино-
сящъ еще въ жершу и свѣжую шраву. То же дѣлающъ и прочіе
народы съ небольшою шокмо ошмѣною.

Осенній праздникъ бываешь у *Гелеутѣ* въ Октябрѣ. Жишли
деревни приносяшъ всемъ міромъ на выборномъ жершенному мѣстѣ
(Таушга) молодую лошадь въ жершу. Міряне становятся кругомъ
около мѣста, на которомъ сдѣланъ жершенней срубъ или жер-
шенникъ (Ташкатѣ) изъ столбовъ и хворосту. Камъ барабанишъ и
молиша; послѣ чего убивающъ лошадь и сдирающъ съ нее шкуру
такъ, что копыта, голова и хвостъ остаются при кожѣ, обвязы-
ваютъ мясо около костей, варятъ вмѣстѣ съ нутренностями, и
ставяшъ богамъ на жершенникъ, где оно и споишъ до тѣхъ поръ,
пока продолжаешь возобновляемое моленіе. Напослѣдокъ сѣдающъ

сами жершвенное мясо, а шкуру вѣшаютъ на шесть головою къ Востоку; возлѣ же оной прицепляютъ на веревочки зайчыи шкурки и другія небольшія жертвы. Ближайшія деревни принимаютъ въ томъ участіе. *Бурлаты* приводяще на жершвенное мясо для осенняго праздника (Санте Гаара т. е. бѣлый мясоадѣ) лошадей, рогатой скотѣ, овецѣ и козѣ. Тутъ приносящія у нихъ, какъ и у Телеушъ, въ жертву всѣ оныя животныя по порядку, и по томъ сѣдаются. Они убивающія шаковыхъ животныхъ пораженiemъ въ грудь и изшорженiemъ болѣшой жилы. Молитвы свои обращаютъ они къ працличнымъ идоламъ (Нугишъ и Ногатъ), которыхъ прикрепляютъ къ небольшой палашкѣ. Они спавяющія также березовые кусцы, и привѣшиваютъ къ нимъ працпицы какъ будто значки, которыхъ движение почитающія они, по примѣту Ламайскихъ язычниковъ, молитвами. Нечистому изѣ нушренности и все, чего не ъдашъ, сожигаютъ, дабы собакамъ ни что не доспалось. Кожи жершвенныхыхъ животныхъ вѣшаютъ около ихъ костей, и разпаливаютъ ихъ на утверждennыхъ стоймѣ шестахъ: послѣ чего, пока стоятъ, дѣлающія имъ всегда, когда бы ни увидѣли, поклоны. При семъ случаѣ освящающія они и вожжи для привязыванія жеребенковъ и шеляшъ: они привѣшиваютъ ихъ въ шаковомъ намѣреніи къ разтянутому канату, къ коему прикрепляющія совиня перья и молинівенные значки. *Якутскіе* и другихъ народовъ праздники симъ подобны.

Слугайные жертвоприношенія болѣе ошибины. О питаніи и окуриваніи идоловъ сказано уже выше. *Курильцы* послѣ всякаго звѣриаго промысла приносящія въ жертву шкуру съ первоубищаго звѣря и вѣшающія ее передъ юртою. *Жамгадалы* при нещастіяхъ кидающія въ огонь по нѣскольку кусковъ рыбы. *Коряки* взошкнувъ со бачью или оленью голову на колѣ, обращаютъ оную къ рѣкѣ или огнедышущей горѣ, и шворяющія у оной при стукѣ въ волшебные барабаны молитвы. *Телеуты* въ случаѣ домашнихъ нуждъ приносящія въ жертву зайца, кромѣ того шкуру съ головою и ногами вѣшающія передъ дверьми на березкѣ и часто оной покланяющіяся. Обыкновенная домашнія жертвы состоятъ вообще въ шкурахъ съ ласточекъ и малыхъ животныхъ. При великихъ заботахъ приносящія въ жертву и большихъ животныхъ съ вышеописанными праздничными обрядами, и разпаливаютъ кожи передъ хижинами; по чему около иныхъ шочно шакѣ, какъ на живодерныхъ мястахъ. Въ пушечесватяхъ приносятъ въ жертву горамѣ и рѣкамѣ, черезъ

которыя переправляются, больше ельникъ, иѣсколько кусковъ мяса, рыбы или сыръ, пучки волосъ изъ конской гривы, небольшія кожи, шубные и суконные лоскуты, и проч. Принесенное въ жертву горѣ вѣшающъ на вершинѣ на дерево, которое Гунгузы называютъ *Жалакитомъ*. Огню при всякомъ случаѣ приносящъ шакія же малая жеривы, равно сало или кровь, которую въ огонь бросаютъ. У локотниковъ приносящъ въ жертву обыкновенно большую живину, какъ ихъ приданое, дабы души ихъ могли пользоваться духами животныхъ; то же самое дѣлающъ они обыкновенно и на иѣкоторыхъ поминахъ, при чёмъ многіе кожи принесенныхъ въ жертву животныхъ развѣшиваютъ.

Къ жертвамъ же принадлежишъ конечно и *посвященіе дворовой скотины*. Скошоводствующіе народы дѣлающъ сіе въ шоиѣ наимѣніи, дабы предохранить стада свои отъ бѣдъ или привлечь на оныя благословеніе и размноженіе. Въ первомъ случаѣ посвящающъ они богамъ иѣкоторыхъ животныхъ, а особливо жеребцовъ и быковъ навсегда, въ послѣднемъ же и все сшадо на одинъ или и на иѣсколько мѣсяціовъ. Они вѣрятъ, что боги звѣрей и животныхъ для охраненія ихъ отъ бѣдъ вздѣлашь ночью верхомъ на посвященныхъ имъ скопинахъ; и при томъ утверждаютъ, что часто видятъ ихъ по ушрамъ въ пошу. Въ разсужденіи жеребцовъ исполняется ихъ наимѣніе, по тому что оные въ необузданномъ своемъ состояніи защищающъ и непосвященныхъ кобылицъ отъ хищныхъ звѣрей, и въ нѣгѣ становятся еще бодрѣе. На посвященную лошадь ошпрудь не должно класть подержанаго сѣдла, не садишься на нее женщинѣ, не продавашь оной и не убивашь. Хозяинъ посвященнаго богамъ стада можетъ свободно онымъ пользоваться, но не долженъ шакъ же въ продолженіе этого времени, на которое оно богамъ посвящено, ни чего иц убивашь, ни продавашь, ниже даришь.

Когда Буряты *посвящаютъ лошадь*, то не разбираютъ при томъ ни шерсти, ни рогу. Шаманъ приноситъ въ жертву у огня по немноту молока, сыру или шворогу, и молоцкое вино. Посвящаемую богамъ лошадь окачиваешь онъ молокомъ. Онъ молится повернутая небольшимъ значкомъ, которой на огнѣ поджигаешь и дымъ пускаешь лошади въ ноздри. По немногу волосу изъ гривы и хвоста кидаетъ въ южную сторону и привязываешь къ гривѣ красной лоскутъ. Напослѣдокъ спавишъ онъ лошади на спину молоткую чашу и пускаешь ее въ сшѣпъ. По паденію чаши узнаешь онъ,

О ШАМАНСКОМЪ

угодна ли или пропавна богамъ сія живая жертва. Стелные Тунгусы посушаюшь съ своими божьими лошадьми (Ганганъ) совершенно сходно, а Телеуты со своими (Лекъ) почти такъ же. Катины окуриваюшь при семъ случаѣ живопыхъ ирвенемъ.

При праздничныхъ и другихъ моленіяхъ оказываюшь къ божкамъ спрахъ, а ошь части и благоговѣніе. Всѣ ихъ молитвы ошривисты, и у просшаго человѣка состоять единственно во вздохахъ относящихся къ его нуждамъ и желаніямъ. Творя молитвы спасовящія лицомъ къ солнцу, горамъ, рѣкамъ, идоламъ или къ поставленнымъ жертвамъ. Моленія свои обращаютъ они прямо къ извѣшнимъ имъ именно божествамъ, сашанамъ и святымъ совокупно, ошь части черезъ перебивку ихъ именъ, а ошь части и умышленно, или и всѣхъ вмѣстѣ призываютъ. На примѣрѣ: Богъ, имя рекъ, или боги и сялтые! надѣлите меня или моихъ домоведцовъ здоровьемъ, размноженіемъ скота, удачнымъ зѣбриннымъ про мысломъ, и проч. Когда приносяюшь жертву, что просяшь о воздаяніи. Боги! и проч. жертву сію приношу вамъ! или пишаю васъ оною; надѣлите и вы меня взаимно дѣтей, скотомъ, долголенствіемъ, отвратите смерть отъ моей жены, дѣтей, меня и проч. Смертныхъ страховъ сіи холоднокровные проспаки ни какъ сносить не могутъ, и для отвращенія смерти готовы все сдѣлать. Богоў укоряютъ, поламывая у себя руки, а иногда и безчинно: гемъ я сасъ огортилъ, боги! сатаны! (Шайшаны) сялтые! что вы меня съ земли лохинщаете? въ гемъ согрѣшилъ мой мужъ, жена, дитя, приятель и проч. что вы его умерщвляете, что предаете ихъ богамъ пренеслодней и проч. Въ случаѣ же нещастій ропщущъ такъ: въ гемъ я провинился, что скотину мою терзаютъ хищные зѣбри, что стрѣлы мои не поражаютъ зѣбреи. Шананы имѣюшь нѣкоторыя при жертвоприношеніи и въ праздники чишаеыя порядочныя молитвы, которыя они единственно по обстоятельствамъ переименуютъ. Они содержашь въ себѣ призыванія богоў и святыхъ, также заклинанія, угрозы и обѣты сашанамъ: при чёмъ однакожъ не репетываютъ они имена, понятія и самыя дѣла. Главнѣйшая и. п. Телеутская молитва гласишь въ переводѣ такъ: Боже! Царю неба (Кудай Кайра Камъ)! воззри на нашу жертву! соблюди Императрицу! да ручъ налѣзъ здравіе, долголенствие, дѣтей, скотъ, хлѣбъ и щастіе. Молитвы Шаманская у Тунгусъ, Бурятъ, и проч. походяшь на наши екшени. Молитвы свои они выпѣваютъ, называюшъ поименно одно божество за другимъ, и просяшь у каждого того,

что отъ него зависитъ, какъ на примерѣ у солнца ведра, у бога женъ дѣшей, у бога звѣрей дичины, и такъ далѣе, а у святыхъ или умершихъ Шамановъ предшественства. И они перемѣшиваютъ многокраини боговъ, бѣсовъ, святыхъ, могущество ихъ и дѣла. Шаманы пробивъ въ барабанъ, чемъ думаюшь они возбудишь въ богахъ и проч. внимание и ихъ созвашь виѣсѣ, поющъ у жертвеннаго огня слѣдующее: *Боже! даруй здравіе! не полустри зѣврѣй мнѣ разтерзать, предохраніи мнѣ отъ ладенія сѣ горы, отъ потолченія обѣ водѣ! наѣдли дѣтлами, скотомъ, антию, рыбами!* (и другими надобношими, кошорыя у всѣхъ въ разсужденіи простаго и единообразнаго жиша почши одинаковы). *Мы приносимъ тебѣ сѣ жертвъ оленя, лтицу, рыбу, поставляемъ тебѣ идола и проч.* Міряне провозглашаюшь на всякому открытии рѣчи поперемѣнио: *Услыши! (Го!) услыши наас! (Гегеа!) помоги! умилосердись!* что они часто по два и по три раза восклицаюшь. Шаманы называютъ напослѣдокъ шолько боговъ и святыхъ поимянио, и не прерываюшь возглашенія народа: *Услыши, умилосердись, пособи!*

Похожія на волшебство дѣла идолослужищелей, кошорыя предпринимаюшь они собствено для укрощенія идоловъ, и почитая ихъ не менше нужныхъ, какъ и приносимыя богами и святыми моленія непосредственно производяшь ихъ послѣ молитвъ, чѣмъ безшоковы, а отъ части и шоль явно на обманѣ основаны, что отнюдь не доспойны той поноровки и сожалѣнія, какихъ могутъ требовать сїи язычники, при добромъ намѣреніи своего богослуженія руководствуемые незнающихъ и заблуждающихся священнослужищелей нелѣпыми преданіями и собственными своими чувствами и нуждами. Поступки идолослужищелей сѣ бѣсаны глупы, безшоковы, прошивны здравому разсудку, обаятельны, презрѣнія и сожалѣнія доспойны.

Сколь ни мало связи между обаяніями Шамановъ и волшебниковъ: однакожъ при точнѣшемъ разсмотриваніи онъхъ оказывается, что всѣ они одинакую имѣюшь цѣль. Шаманско суетѣ присвояешь бѣсамъ великое могущество и власть въ естественныхъ явленіяхъ и судьбахъ человѣческихъ, разпускаешь злыѣ духовъ по всему свѣту, и присвояешь имъ способность, наблюдашь все и роду человѣческому вредить. Священнослужищели и волшебники хвасшаюшь, будто они имѣюшь знакомство съ духами, будто обходящихся сѣ дѣволами по дружески, будто имѣюшь

О ШАМАНСКОМЪ

надъ ними власіть и знаюшь средство ихъ выспрашивашъ, усмиряшъ, а иногда и получать чрезъ нихъ добро. Они разговаривающъ съ ними посредствомъ бубна. Ошь вѣрныхъ имъ злыхъ духовъ узнаютъ они причины благоволеній, гибели и ненависти боговъ, способы къ ихъ умилостивленію, знамѣ прошедшихъ и будущихъ судеб; получающъ также черезъ нихъ извѣстія изъ дальнихъ мѣстъ, могущество въ часіи и нещасіи дѣлать великія перемѣны, дарование шоковашъ симъ, предсказывать, и такъ далѣе. Шаманское язычество, а еще больше поченіе къ священнослужителямъ, утверждающее на семь заблужденій: и по тому сіи послѣдніе какъ неистовые обаятели, а ошь часты какъ обманутые бродяги, почишающіе самое существо дѣла исчиннымъ, ревностно его подкрѣпляющіе; отъ чего произоходитъ въ обрядахъ волшебства нарочища, однакожъ не весьма важная, разность.

Подробное описание разныхъ волшебныхъ и заклинательныхъ хитростей по причинѣ очевиднаго дурачества и сходственности возбудило бы во многихъ негодованіе, и для того предложу здесь вкратце скромно то, что поважнѣе. Когда Шаманы, Камы, Хамы, и иные священнослужители, хотятъ узнать о чёмъ нибудь прошедшемъ или будущемъ отъ Шайшановъ, Бунисовъ, Окодилловъ и всего пресподняго собора духовъ, также освѣдомляясь о своихъ и постороннихъ судьбахъ навѣдаться о причинахъ болѣзней и нещасій, вступить въ переговоры съ горечеными богами, или укрытие и заклясть бѣсовъ; то производяще, предпріявъ таковое дѣло, свойственные сумасшедшимъ шалости, и кажущіяся ошь части свирѣпющими. Надѣвъ на себя Шаманское плащѣ и разведши огонь, куряще обыкновено съ ужасомъ шабакъ, часто вздрогивающіе, и напослѣдовъ вслающъ для созыванія злыхъ духовъ посредствомъ бѣсія въ волшебной бубенѣ. Они дѣлающъ при шомъ крайне странные скачки около огня и черезъ оной, кривяще ротъ, размахивающъ руками, кричаще и ревущъ безшоковщину, и зовущъ духовъ поимянно; видѣшъ и слушашъ все сіе въ шемнотѣ при глухомъ слухѣ въ барабанѣ и бренчанье навѣшанныхъ на Шаманское плащѣ вѣщей, спрашино. Спусшая съ полчаса пришвроящіе они какъ будто бы явились уже бѣсы, и какъ будто бы они съ ними сражаются. Они спрашивающіе, троящіе, просящіе, обѣщающіе, наказывающіе имъ кое что, и такъ далѣе. Когда хотятъ узнать ихъ ошвѣшъ, то бросаютъ въ верхъ барабанную колотушку, или иное чѣпо изъ вѣщей, нощеныхъ щѣмъ, до кого ошвѣшъ касающіеся бу-

дешъ, на примиѣръ шапку и проч. какъ будто бы съ паденiemъ ша-
ковой вещи получаешьъ и ошвѣшъ, и по шомъ всовывающъ голову
въ бубенъ, слушаютъ со вниманiemъ, дрожащъ, всхрапевшыи и
попѣютъ. Якутскіе, Чулымскіе и другіе Шаманы, предъявля-
ющъ, будто при шаковомъ волшебномъ дѣйствии душа ихъ разлу-
чается съ тѣломъ. Рассказавъ предварительно нѣкошорыя безшол-
ковыя выдумки, падающъ замерцо на земль, по шому, что будто
душа отъ тѣла ихъ отлучается, посѣщающъ преисподнихъ бож-
ковъ въ ихъ жилищахъ, горахъ, лѣсахъ, пропасцахъ и прая, и шамъ
съ ними переговаривающъ. Души пушеславящи туда изъ медвѣ-
дяхъ, свиньяхъ, орлахъ и другихъ животныхъ. По шомъ утверж-
дающъ всъ, что видѣли злыхъ духовъ во образѣ медвѣдей, львовъ,
совъ, орловъ, лебедей, жуковъ, пауковъ, и проч. какъ будто бы
свѣшъ какой или шѣнь. Отъѣты даваемде ими, бывающъ, смотря
по вопросамъ, прорицаніямъ, преисполненнамъ въ прочемъ цица-
сами и сомнѣніями; по чemu доноси всегда сбывающся: часто бол-
тающъ они много и о состояніи отсутствующихъ или о буду-
щей людей участіи. Не льзя бы и ожидать отъ шолико непросвѣ-
щенныхъ людей споль замысловашыхъ шолкований, какія они по-
даютъ часто не думавши и не взявши хорошенко въ шолкѣ вопроса.

Кромѣ сего вышаго волшества есть у всѣхъ язычниковъ еще
и простое колдовство, производимое священнослужителями, а ино-
гда и простолюдимами, и сходное съ чародѣйствами Киргизскихъ
мѣсяцословицоў, Цыганъ и нашихъ карточныхъ и кофейныхъ
предсказательницъ. Красноярскіе волшебники (Едачи) и многіе дру-
гіе бросаютъ въ огонь овечью лопатку, и узнаютъ по шрециамъ
и птицамъ, какія на ней окажутся, какъ будто бы на письмѣ,
что было и будетъ съ каждымъ вопрошающимъ. Гунгузскія и
другимъ предсказелямъ издаваніе пущенной стрѣлы или шрасе-
ніе нациянутой шевиши служитъ ошвѣшомъ на всѣ вопросы на
удобопонятномъ языке. Телеутскіе, Залыскіе и Абінскіе мудре-
цы все уразумѣаютъ по тѣмъ изображеніямъ волшебного барабана,
на кошорыя лягутъ сорокъ брошенныхъ въ верхъ палочекъ. Якут-
скіе Аюны вручаютъ шому, кто хочетъ знать будущую свою судь-
бу, монету или перспенъ, и узнаютъ по шомъ по рукѣ вѣрюща-
го все совершенно явственно. Для возбужденія вѣтру, привѣшивая-
ющіи они пузырной камень какого ни есть живошаго вѣсѣ съ
палочкою и конскимъ волосомъ къ дереву, и говоряющъ при шомъ съ
несомнѣнною надеждою: я отрицаюсь отъ отца и отъ матери, да-
бы видѣть твою силу; не упоминая о многихъ другихъ безуміяхъ.

При всей шаманопѣ и несшройности Шаманскаго язычества, а особенно шокованія о богахъ, не льзя не признать въ немъ общихъ понятій естественной вѣры, и нѣкошорыхъ обрядовъ изъ Монсеева закона; жершвенные огни, жершвоприношенія и постпановленія жершвъ, моленія, мнѣнія о оскверненіяхъ женъ чрезъ естественные перемѣны, и много другаго, взято конечно изъ Іудейскаго Закона. Просвѣщенію ихъ прошивуборсивуешь во первыхъ то, что всѣ ихъ понятія относятся къ чувственнымъ предметамъ, а во вторыхъ ихъ обстоятельства, и соотвѣтственное ихъ пусшияямъ сурое, ошъ части и бѣдное, жишѣ, которое совсѣмъ препяшствуешь обучашь дѣшней и порядочно воспиншывашь. По разрушениіи же шаковыхъ препяшшвий, можно бы сихъ, по большой части добрыхъ, народовъ, чуждающихся предразсужденій и ненависти относительно къ иновѣрцамъ, легко возбудишь удобопонятными поученіями и добрыми примѣрами къ ошверженію своихъ сусмыслій и къ принятію основаніаго на благоразумії Богослуженія.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

